

Яков Зубарев, "Силуэт", Израиль, февраль 2011

..Незадолго до очередного приезда в Израиль (выступления Сергея и Татьяны Никитиных пройдут у нас в начале марта) Сергей Яковлевич находился в Соединенных Штатах. Не с концертами, как можно было бы ожидать, а – в качестве деда. Вот уже много лет в Америке проживает его сын Александр, который, создав здесь семью, тоже стал отцом. Естественно, Никитин-старший не оставляет заботами своих внуков, и на этот раз специально, вне всякой связи с гастрольями, пересек океан, чтобы посвятить себя детям. Позвонив на вашингтонскую квартиру сына, я и попросил известного композитора, барда, заслуженного деятеля искусств России ответить на несколько вопросов.

– Сергей Яковлевич, обычно ваши визиты в Америку обусловлены гастрольями, а тут вдруг вы полетели один..

– Да, мы, как правило, бываем здесь с Таней два раза в году – и концерты даем, и занимаемся внуками, а сейчас Таня уехала в Италию – она работает в одной здешней компании, занимающейся арт-бизнесом, и у меня возникло такое движение души – вновь встретиться с внуками. Их у меня двое – восьмилетняя Наташа и четырехлетний Данила. Не хочу, чтобы они забывали русский язык. – Мы знаем ваше особое отношение к нему. Ваш выбор стихов всегда отличали высокий вкус, понимание авторской мысли.

– Я считаю, что людям, знакомым с русским языком, повезло. Сегодня наши соотечественники, живущие в разных частях света, понимают, что просто не по-хозяйски терять его, и прикладывают немало усилий к тому, чтобы сохранить для своих молодых потомков русский язык как главную часть по-настоящему великой русской культуры. Хочется верить, что мы с Таней также помогаем им в этом – своими песнями, выступлениями, записями. С этой целью составили даже особую программу для детей и родителей, в которой присутствуют как «взрослые», так и детские песни.

– Да, чего уж стоит ваша песенка про пони, которую вы написали на стихи Юнны Мориц еще будучи студентом, в 1965 году. Она до сих пор в ходу, как, впрочем, и многие другие ваши сочинения, посвященные детям. Но, скажите, бардовская песня по сей день востребована? Мы, представители старшего поколения, помним, насколько она буквально будоражила наши души, заставляя ночами сидеть у костров или просто на кухнях. А сегодня не те времена и не то поколение..

– Ну, вы же знаете о своем, израильском слете бардовской песни,

который проходит каждый год где-то на севере. Такие же слеты проходят постоянно здесь, в Америке – в Калифорнии, Пенсильвании, Хьюстоне, Техасе, а также в Канаде, Германии, и нередко по два раза в год.

– Однако, нынешняя российская молодежь увлечена совсем иным искусством...

– У вас несколько искаженное представление о нынешней культурной жизни России – через экран телевизора. Если смотреть на нашу жизнь только через него, можно, действительно, с ума сойти. А знаете, сколько в России проходит каждый год слетов бардовской песни – около 600! Это независимо от масс-медиа, только потому, что у людей есть потребность – встретиться в неформальной обстановке и послушать хорошие песни. Я, честно говоря, за авторскую песню, как за жанр, совершенно спокоен – у нее нет обратного хода.

– Потому что это чисто российское явление? Явление, при котором человеку хочется выразить себя вне рамок официального искусства?

– Мне очень нравится одно определение авторской песни: музыкальное тонирование русского поэтического слова. Если ее понимать именно так, то, безусловно, эта песня чисто наш, специфический российский патент. Подобные жанры имеются и в других странах – вот «новые трубадуры» на Кубе поют сейчас под гитару стихи Николаса Гильена и Пабло Неруды. Но русская поэзия в особенной степени насыщена художественной образностью, которая не может не привлечь человека, воспитанного на русской культуре. Так что основанная на ней авторская песня по-прежнему остается важнейшим элементом общения и взаимопонимания людей. Весьма разнообразна и богата также наша театральная, музыкальная жизнь. Конечно, в ней немало и коммерческого, но серьезное искусство тоже крепко держится на ногах. Современный театр освободился от необходимости использовать иносказательный любимовский язык, эзоповские символы и вернулся к классическим формам воплощения человеческого духа. Развивается и серьезная литература. Достаточно посетить книжные ярмарки, чтобы убедиться в том, какая духовная жизнь бьет вне экрана телевизора. Быть может, сегодня не совсем точно прозвучало бы определение Евтушенко: «Поэт в России больше, чем поэт», но, во всяком случае, и не меньше.

– Между тем, бардовская песня родилась в шестидесятые годы прошлого века как противопоставление официальному советскому искусству, а нередко и как противостояние власти. Можно ли говорить и сегодня о ее социальном звучании? И каковы вообще нынешние отношения интеллигенции с властью?

– Было время, когда на волне демократизации многие наши интеллигенты пошли даже во власть. И моя Таня несколько лет проработала во властных структурах: в 1990 году, оставив науку, она стала заведующей отделом

культуры в одном из районных исполкомов Москвы, затем – заместителем префекта Центрального округа, а с 1992 по 1994 годы была заместителем министра культуры России. Но, в конце концов, порядком устав от сражений за отечественную культуру с равнодушным к этой культуре чиновничеством, и подорвав в этой борьбе даже здоровье, она, как и я, стала свободным художником – участвует в ряде проектов, помогает продвигать молодые художественные таланты в Европу.

Вся окружающая нас действительность и коррумпированная власть стремится превратить нас в придаток системы потребления, и задача здравомыслящих людей сопротивляться этому. Лично мне до этих чиновников, слава Б-гу, далековато, я стараюсь иметь с ними как можно меньше контактов, хотя, например, мы с Таней регулярно получаем от председателя Совета Федерации Сергея Миронова, от Чубайса поздравления с днями рождениями, праздниками. Поколение, которое выросло на наших песнях, помнит нас, и один из примеров этого – участие ряда спонсоров в наших благотворительных проектах. Мы с Таней лет пятнадцать назад взяли под свою опеку Смоленскую областную школу-интернат для слепых и слабовидящих детей – закупили для нее необходимое медицинское оборудование, осуществили ремонт отопительной системы, ну и, конечно, постоянно выступаем перед ребятами с нашими песнями.

– Нынешнее время дает вам пищу для творчества, для новых песен?

– Люди, на самом деле, мало меняются. За последние две тысячи лет нас волнуют те же проблемы, а нюансы политической системы или технологические открытия остаются нюансами – человеческая жизнь состоит по-прежнему из любви, рождения, смерти, страданий, предательства и дружбы. Если я когда-то полюбил стихи Давида Самойлова и Арсения Тарковского, я и сейчас нахожу в них для себя что-то близкое. Порой тот стих, на который не обратил внимания двадцать или сорок лет назад, вдруг начинает звучать сегодня. Не оставил также попыток написать что-то и на стихи Пушкина. А последнее время мы с Таней увлечены поэтом Борисом Рыжим. Этот замечательный русский поэт, родившийся в 1974 году, покончил с собой в возрасте 26 лет, успев написать свыше тысячи стихов. Многие из них пронизаны печалью, но они настолько трогают душу, что вдохновляют меня на музыку. Я заразил этими стихами Петра Фоменко, и его театр посвятил Борису Рыжему спектакль, используя в нем и мои песни. И наша новая с Таней программа названа строчкой из стихотворения поэта: «Городок, что я выдумал».

– Вы все время упоминаете имя Тани. А некоторые злые языки нет-нет и пускают слухи о вашей размолвке...

– Анекдот на эту тему: «Рабинович, как ваше здоровье?» «Не дождетесь...» Таня – мой самый верный друг. Она – первый слушатель моих песен, мой главный редактор и отдел художественного контроля. Как только у меня рождается новая мелодия, я первым делом знакомлю с ней Таню. И сын

Александр тоже помогает – у него довольно строгий вкус. Оба они не дают мне расслабиться. Иногда кажется, что шедевр сочинил, а дашь им послушать – приходится переделывать. И по жизни Таня – наш семейный лидер. Когда возникают какие-то сложные ситуации, то даже взрослый сын обращается к ней за советом. И у нее очень хорошо развита интуиция на людей: она быстро распознает человека, который может оказаться совсем другим, чем выдает себя поначалу. Именно она поддерживает связь также с нашими друзьями. Бывает, замотаешься, можешь забыть позвонить кому-то, но Таня не позволит сделать этого – обязательно напомнит.

– Вы живете в Москве, сын с внуками – в Америке. Не скучаете?

– У нас и в Москве много родных. Две моих сестры, Танин брат, племянники, внучатые племянники, много друзей. Да и работы хватает: выступления, встречи, подопечные смоленские дети. Вот уже двадцать лет я веду также во Дворце пионеров на Воробьевых горах клуб для детей и родителей, и там присматриваюсь к талантливым детям, рекомендую их для радио. А внуки приезжают и ко мне: каждое лето они проводят с нами время на нашей даче под Звенигородом, и это для нас с Таней самое замечательное время. Кроме того, я по складу характера интроверт, мне нужно иногда и одному побыть: творческий процесс идет у меня только наедине с самим собой. Так что свободного времени у меня очень мало, и когда оно есть, посвящаю его книгам, музыке.

– Вы, как и многие барды, начинали с карьеры ученого-естественника. Закончили физфак Московского университета, защитили кандидатскую диссертацию по биофизике, работали научным сотрудником института органической химии и института биофизики союзной Академии наук. Отдали в общей науке двадцать лет. А у Тани, тоже кандидата физико-математических наук, стаж даже больше. Как лирики – не скучают по физике?

– Немного скучаем, но мы не расстаемся с нашими коллегами. Мой ближайший научный шеф Армен Сарвазян, у которого я писал диссертацию в Пущинском академгородке, тоже работает сейчас в Америке, недалеко от нас, в своей лаборатории в Нью-Джерси, и мы часто с ним встречаемся, беседуем, в том числе, и на научные темы. Наш очень близкий друг Александр Климов работает в Антланте, он – один из главных специалистов Америки по вирусным заболеваниям, и мы с ним тоже поддерживаем постоянную связь.

– Вы начинали играть на нестандартной семиструнной гитаре и даже создали свой, никитинский строй, которому многие пытаются безуспешно подражать. Этот инструмент сохранился?

– Эту первую гитару, черную с белой окантовочкой – ее можно увидеть на старых фотографиях – мне подарили мои друзья-физики в 1964 году, на мое двадцатилетие. Купили они ее в комиссионном магазине аж за

семьдесят рублей – по тогдашним временам почти месячная зарплата. Я на ней много лет играл и записей с ней немало сделал, но за это время сменил еще три, хотя первая цела.

– А с оркестром не пробовали выступать?

– Мне это интересно и, в частности, я дружу с Игорем Лерманом, руководителем оркестра «Провинция» из Набережных Челнов. Он превратил местный Дворец культуры в центр камерной музыки, где выступают Спиваков, Мацуев, другие замечательные музыканты. И у меня прошло здесь несколько концертов с его оркестром.

– То есть костры по-прежнему горят, и песни вокруг них поются...

– Я, правда, на Грушинском фестивале лет десять не был, но то, что костры на нем не гаснут и собирают огромное количество людей, говорит само за себя.